

Современный университет как «хронотоп» творчества

Культ творчества берет свое начало в эпохе Возрождения, одним из девизов которой могут стать знаменитые слова Микеланджело: «Человек должен научиться творить как Бог и даже лучше». Этому предшествовали долгие процессы становления и эмансипации человеческого Я, но, как бы то ни было, фигура человека-творца становится своего рода *persona grata* новоевропейской культуры.

Пожалуй, лучше всего европейское понимание природы и сути творческого процесса выразил Иммануил Кант в своем знаменитом учении о гении, которое суммируется в следующих положениях:

- гений создает то, для чего не может быть найдено правило;

- произведение гения само становится образцом для подражания;
- деятельность гения в значительной степени бессознательна;
- сфера гения скорее искусство, нежели наука.

На наш взгляд, первое и четвертое положения являются ключевыми, поскольку указывают на основополагающие характеристики творчества: 1) творчество должно с необходимостью нести в себе инновационный потенциал, открывать «необычайность и небывалость» (Рильке), преодолевать готовые формы и стереотипы; 2) вышеописанное в полной мере возможно только в искусстве в силу особой роли последнего в культуре и человеческом бытии.

Отсюда и приистекают два возможных способа тематизации проблемы присутствия творчества в современном университетском образовании, два доминирующих вопроса.

1. Можно ли вообще с полным правом говорить о творчестве в современной ситуации, которую постмодернистские авторы окрестили веком цитирования, скольжения по поверхности старых смыслов и т. д.? Возможна ли абсолютная инновационность в мире, где «все слова уже сказаны»?

2. Может ли система образования в принципе быть пространством творчества?

Именно второй вопрос и станет основным предметом нашего обсуждения.

Если И. Кант, а вслед за ним и еще более категорично – Шеллинг, практически отказывали в творчестве даже науке, которая по сути своей нацелена на продуцирование нового знания, то тем более проблематично присутствие творчества в образовательном процессе.

Любая система образования является одним из самых мощных инструментов трансляции культурной традиции, так как поддерживает и воспроизводит не только какие-то значимые культурные образцы, но и саму структуру личности, сложившуюся в рамках определенной культуры. Неспроста даже в современном глобализирующемся и достаточно демократичном западном социуме существует целый ряд запретов и ограничений, распространяющихся именно на систему образования. Достаточно вспомнить бурные дискуссии по поводу запрета на ношение одежды, символизирующей религиозную и культурную принадлежность в общеобразовательных школах, или менее известные, но еще более значимые, примеры иногда негласных, а иногда совершенно официальных запретов на осуществление педагогической деятельности преподавателями-иностранцами как носителями другой языковой и культурной традиции, которые встречаются в ряде ведущих западных государств.

Но помимо этих общих для всех культур моментов европейская система образования до сих пор во многом движется в шлейфе идеологии Просвещения, которая нацелена скорее на воспроизводство и сохранение сложившихся схем и моделей образовательного процесса, как бы освященных авторитетом разума и морали, нежели на создание нового. И эту картину вряд ли могут существенно изменить многочисленные методические новшества, равно как и активное вторжение в учебный процесс различных технических средств. Рискну утверждать, что по большому счету эти изменения касаются лишь усовершенствования формальной стороны образования и мало влияют на его содержательное наполнение. Мы идем по пути усиления формальных аспектов, которое иногда не способствует поиску нового, а скорее тормозит его.

Вероятно, это закономерное явление, поскольку, как я уже писала, образование по необходимости должно нести в себе здоровую долю консерватизма, оно ответственно за сохранение культурной традиции. Но, с другой стороны, продуктом образовательного процесса является живая человеческая личность, которая из стен университета выходит в мир, который со времен Просвещения претерпел значительные изменения. Как

совместить эти потребности, как впустить в стены университета ту самую «необычайность» и «небывалость», и насколько это вообще необходимо?

Одних методических новаций здесь явно недостаточно. Университет это только часть социума, который на рубеже тысячелетий претерпевает глобальные трансформации. И касаются они не только движения экономических и информационных потоков, но и человеческой субъективности как таковой. Именно это обстоятельство требует серьезного философского осмысления, без которого в принципе, наверное, невозможны никакие результативные усилия по внедрению творческого начала в образовательный процесс.

Нет нужды повторять, что человеческое бытие событийно, что живет человек «здесь и сейчас», в пестроте утекающей повседневности, в изменчивости настроений и жестов и, тем не менее, – в поле постоянной ответственности. Не только произведение, но и каждый индивид имеют свой «хронотоп», свои отношения с пространством и временем, свое собственное место в бытии. Интересующая нас проблема творчества в образовательном процессе также может быть транскрибирована через тему пространства и времени, тему хронотопа.

Творчество по сути является темпоральным процессом, поскольку несет в себе изменение, движение, приращение, новизну. Но время как таковое невидимо, оно становится заметным, может быть «схвачено» нашей мыслью, когда «оплотневает» в пространстве, когда создает для себя и проживает систему мест. Университет, несомненно, являет собой один из самых значимых культурных хронотопов. Вероятно, именно осознав и проанализировав феномен университета как возможное пространство, топос «проживания» временных потоков современной культуры, мы сможем действительно впустить творчество в современный образовательный процесс.